

Александр Васин-Макаров – поэт, музыкант, певец. Автор пяти книг стихотворений и песен, и внежанрового сочинения «Читаю Лермонтова» (5 изданий). Автор идеи и издатель «Антологии русского лиризма. XX век» в 3-х томах (2000, 2004, 2019).

Член СП России; удостоен литературных премий им. А. Блока, «Золотое перо России», «Золотой медали В. Шукшина» и др.

29 лет на общественных началах руководит литературно-музыкальной студией народной культуры.

Живёт в Москве.

А. Н. Васин-Макаров и В. В. Кожин. 1996 г.

* * *

Правильнее называть А. Васина-Макарова древнерусским словом **песнотворец**.

В. Кожин

Попытка антинекролога

...С привычных портретов «глядит в пространство» тот Кожин, которого «знали все»: поза Микулы Селяниновича, несколько притомившегося от бесконечной¹ пахоты... взгляд непобедимого бойца, и в этом взгляде властность, привычная решимость, безбоязненное знание...

16 сентября 1998 года, в день моего рождения, в наш дом приехали супруги Кожин (с ними их друзья из Японии – профессор славистики Ясы-сан с женой). У нас, как всегда в такие дни, дым коромыслом: родственники, друзья школьных и институтских лет, студийцы – шум-гам... Однако и Елена Владимировна, и Вадим Валерианович освоились мгновенно, в отличие от гостей-японцев, погружившихся на время в некоторый транс. (Позже они настолько впились в бурлящую нашу песенную атмосферу, что Минако-сан, супруга профессора, даже спела японскую колыбельную песню, чем совершенно потрясла мужа: оказалось, что она запела при нём первый раз в их жизни...)

В разгар праздника Вадим Валерианович, блиставший кроме всего прочего (пел песни, читал стихи – как он читал стихи! – произнёс с полтора десятка импровизированных речей) образцами восточной учтивости по адресу друзей-азиатов, произносит: «Александр Николаевич, я всё больше и больше опасаюсь, что досточтимый Ясы-сан и очаровательная Минако-сан, проведя у Вас этот прекрасный вечер, скажут, мол, помилуйте! да о каком же кризисе в России все толкуют!? Нет никакого кризиса и в помине!» – и заулыбался.

Вообще, он был подспудным распорядителем вечера и с нескрываемым удовольствием «угощал» японцев – нами, а нас – японцами.

Когда же наш мужской квинтет на распев Ф. Романова спел стихотворение А. Фета «На смерть корнета Бражникова», Вадим Валерианович в каком-то порыве-восторге почти прокричал: «Федя, Вы открыли мне это стихотворение! Я его недооценивал!...»²

¹ Статья публикуется с орфографией автора по его настоянию.

² Издавая в 2000 году книгу избранных стихотворений А. Фета, В. Кожин включил в неё стихотворение «На смерть Бражникова», снабдив эту публикацию следующим примечанием: «27 июля 1845 года неожиданно скончался сослуживец поэта по кирасирскому полку, красавец-корнет Александр Бражников. Созданное А. Фетом стихотворение долго оставалось забытым, но полтора столетия с лишним спустя участник литературно-музыкальной студии А. Н. Васина-Макарова Фёдор Романов положил его на музыку и вместе с несколькими друзьями проникновенно поёт эти давние строки Фета. Это пение вызвало восторженные слёзы у родственницы и исследовательницы жизни и творчества Фета-Шеншина В. Н. Шеншиной, и она преподнесла Фёдору Романову своё сочинение о поэте». – *Здесь и далее в статье прим. автора.*

Боже... Великий знаток русской поэзии, истории... наследник Белинского и Бахтина... учёный с мировой славой... вслух – что он недооценил?

Неужели это тот – «портретный»?

Наше счастье (и моё), что довелось увидеть, в какой-то мере узнать другого В. В. Кожина: страстного, открытого, бесконечно обаятельного... Где-то в груди тепло от того, что мы оказались такими, с кем он мог быть т а к о й .

23 марта 2001 года мы вспоминали тот вечер с Еленой Владимировной Ермиловой-Кожинской, и она сказала: «Дима с вами был очень радостный...»

Сейчас пишут, говорят об утрате. А мне кажется, Кожина невозможно «утратить». Совершенно так же, как Тютчева, Бахтина, Рубцова... Как невозможно утратить Русь, заступником которой он был и остаётся.

* * *

А всё-таки... я никогда больше не услышу в телефонной трубке его характерный, непременно приподнятый голос: «Я Вас приветствую, Александр Николаевич! Знаете, у меня сейчас находится один замечательный человек и, представьте себе, Ваш большой поклонник!» (Это мог быть знаменитый В. И. Белов или кто-то из мощнейших филологов – Н. Н. Скотов, С. Г. Бочаров, П. В. Палиевский, журналист Ю. В. Куликов, разведчик М. А. Любимов или вообще никому, кроме Кожина, не известная персона...) Далее следовала горячая – именно! – тирада, смысл которой заключался в том, что я просто обязан познакомиться с этим человеком! едва не погибающим без меня и моих песен! и мечтающим сделать их «всенародным достоянием»! «А я, как Вы знаете, совершенно уверен, что в таком случае изменится вся общественная температура в нашей стране», – заканчивал Вадим Валерианович.

Не раз, не два я всё бросал и ехал к Кожину, никого из «моих больших поклонников» уже, как правило, не заставая... Позже от некоторых из них узнавал, что каждый приходил к В. В. Кожину по своему конкретному делу, а тот усаживал их перед телевизором и ставил записи вечеров нашей студии или моих концертов, рассказывал – о нас, обо мне...

Не знаю, подозревал ли Вадим Валерианович, что реальный результат нередко был прямо противоположен тому, который он описывал мне... В частности, один из друзей его университетской юности, наслушавшись моего «необходимого» пения, отреагировал со всей присущей ему интеллигентностью: «И охота тебе, Дима, заниматься всякой ерундой! Ну что ты разбрасываешься...»

А «Дима» вовсе не разбрасывался... Дав, отражённым образом, понятие о своём способе присутствия в родной культуре, этот человек нечаянно обозначил и кожинский манёвр. Кожин не разбрасывался, он с о б р а л воедино все доступные ему проявления русской культуры – от сомнительных исторических преданий и хроник до сравнительно достоверного XIX века и, наконец, ростков нынешнего русского культурного бытия. Он, как настоящий хозяин, старался найти место каждой «вещи», не оставить без внимания ни один клочок культурной нивы.

...Но как слушал сам Кожин!.. Да ещё если я пел стихи Рубцова, Передреева или Соколова...

Никогда, Вадим Валерианович, не забуду Вашего лица, Ваших напряжённых интонаций: «Ах, Толя не дожил... жаль, Толя не дожил...» И мундштук в побелевшем сжатом кулаке того гляди раскрошится... «А Володя слышал?..»

И Ваши монологи... в которые я долгое время и не пытался вставить ни полсловечка... Потом – диалоги с Вами...

Первое время, обращаясь ко мне по любому поводу (имя, факт, явление), Кожин начинал так: «Ну, Вы, конечно, не знаете...» И ужасно удивлялся, натываясь на моё: «Ну, почему же...» Вскоре преамбулу он изменил: «Ну, Вы, конечно, знаете...» И опять ужасно удивлялся, если я не знал...

Никто больше с такой любовью и болью не станет мне часами рассказывать о Володе (В. Н. Соколове), Толе (А. К. Передрееве), Коле (Н. М. Рубцове), Стасике (С. Ю. Куняеве)... которые «вот на этом месте, где вы сейчас сидите...» И начинал читать их стихи. Он читал торжественно и одновременно вроде просто: не «завывал», не делал актёрских пауз, тонко придерживаясь ритма строки и чёткого неширокого эмоционального диапазона, а впечатление получалось... не знаю, как и назвать... наверное, самое точное – з а в о р а ж и в а ю щ е е . Мне кажется (уверен, не мне одному), Вадим Валерианович до последних дней был юношески влюблён в поэзию – «сильно, пламенно и нежно», как сказал бы М. Лермонтов (которого, кстати, Кожин не больно жаловал – Пушкин,

Тютчев, Боратынский¹, Фет... потом уж М. Ю.). Сам в молодые годы писал стихи, помнил их всю жизнь... иногда читал... как-то вскользь комментируя, дескать, бросил это дело, поняв, что большого поэта из него не выйдет... А мне слышались и сейчас помнятся какие-то дополнительные обертона: щемящие, сожалеющие...

И никто, как Вадим Валерианович, не огорошит меня бурной радостью, обнаружив, что я заменил *одно* слово в стихотворении Передреева – да, оказывается, так правильно! – удивляясь, что человек, «не знавший Толю, так точно слышит его интонации...» Да при этом – в параллель! – я услышу историю, как Достоевский однажды гениально поправил Тургенева, тоже заменив всего одно слово!.. (Нет, разумеется, я не намекаю ни на какие аналогии.)

И никто улыбочиво-горьковато и застенчиво-гордо не скажет: «Вы уж, Александр Николаевич, не забывайте нас...» И сердце моё падало...

Конечно, Кожинова нельзя утратить, но его всегда будет не хватать...

* * *

Уникально положение, в которое себя определил В. Кожинов: его место – в органической народной иерархии, а не в партийно-государственно-научных структурах. И при этом неоспоримо его влияние едва ли не на любые круги, слои нашего общества! Его имя – среди эмблемных русских имён для зарубежных учёных, политиков. Т. е., обойдя условный успех, В. В. Кожинов занял с о ё б е з у с л о в н о е место в жизни (и не только русской).

Тип его деятельности в народном организме очень близок к тому, что физиологи называют в организме «обычным» у п р а в л я ю щ и м нейроном. Пожалуй, из этой природосообразности часто возникает ощущение, что на стороне Кожинова действует некая объективная (!) сила...

Заслуга самого Вадима Валериановича в том, что он смог:

- почувствовать своё природное призвание
- увидеть место его осуществления
- занять это место.

«Заслуга» русской природы в том, что она одарила это своё чадо рядом высших инстинктов (да простят меня биологи-физиологи) и среди них – инстинктом познания, да ещё в редчайшем полном виде; обладателю сего, наряду с анализом и синтезом, становятся доступны и более высокие способы постижения жизни (в том числе в усложнённых, опосредованных формах). Этот дар наиболее полно выявился в ф и л о л о г и з м е Кожинова (как известно, в переводе с греческого *philologia* – любовь к знаниям, выраженным в слове). С этих позиций логично сказать, что никуда он не «уходил» – от литературы, от литературоведения и так далее, а естественно наращивал области интересов и по объёму (до истории, философии), и по качеству (аналитический подход уступил требованиям интеграции² и пр.).

* * *

В. В. Кожинов очень любил свои знания, любил острый спор, любил своё лукавство... любил свою *работу* исследователя, писателя³ и пр.

Не могу не напомнить одну статью, написанную им в начале 70-х годов (теперь надо добавлять – прошлого века...) – «О беллетристике и моде в литературе». Каких-нибудь 5–7 лет назад почти о том же – на нескольких страничках: хлесь, хлесь... и, как кувалдой, Пришвиным: «Беллетристика – это поэзия лёгкого поведения!» Всё. Нокаут.

Теперь же неторопливо, с уморительно серьёзной-пресерьёзной миной на лице Кожинов... застывает за эту самую беллетристику... критикам Ч. и К. попенял «за недооценку»... и нужна-то она... и сложна-то она... и законы-то у неё свои (и самому нравится дурачиться!)... Где-нибудь мимоходом, в дебрях абзаца... «беллетристика, конечно, не творчество»... строк через сорок-пятьдесят – «разумеется, в культуру не входит»... И опять охает, причитает – «заботится»... с трудом сдерживая

¹ Именно В. В. Кожинов приучал всех писать эту фамилию через «о».

² Даже названные в «Примечаниях» последних книг источники исчисляются тысячами. Вообще же пространство познания, освоенное этим учёным, лучше всех оценил один итальянский историк, сказавший: «Всё знает только один человек на Земле – это русский Кожинов...»

³ Он именно *писал* – ручкою, по старинке – ни машинку, ни компьютер не признавал...

хотел и с удовольствием понимая, что если б он эту... беллетристику... в три этажа матом обложил, эффект был бы во много раз меньше.

Обиженные его властью, твёрдым направлением просто не понимали канонов органического (читай: русского) бытия, являясь, видимо, «элементарными частицами» жизни...

Кстати, сколько я мог заметить, Кожинов не сокрушался по поводу «несовершенства» человеческой породы. Как практический мудрец, он правил теми, кто есть, – и «зубрами», и «ягнятами»... Многие из них, подвигнутые Кожиновым на разного рода деяния, до сих пор искренне полагают, что сами к ним пришли... гипноз был добросовестный...

Взвалив на себя кошмарный пехтерь просветительства, он одновременно без устали воевал с упрощенчеством, дешёвым популяризаторством, идеологическим схематизмом, минутными интесами, постоянно напоминая о многовековой Руси...

Между прочим, Вадим Валерианович совершенно не фетишизировал истинность... полагая более важным движение к возможной истине.

Не признававший никакой мистики и иррациональности, исследовал явления, не поддающиеся рациональному постижению. Обозревая вселенную фактов, выбирая из них своим уникальным чувством истории самодостаточные комбинации происшествий, неведь как добивался того, что в этих его построениях начинал струиться некий сквозняк истинности... внерациональной в том числе!

Или это и есть великий русский учёный?

Вспоминаются его, извиняюсь, «сопротивники»... Б. Сарнов, А. Нуйкин и др. Что положено Юпитеру... Как они не понимали... Куда лезли...

Он – о евразийстве... эти ему – о шовинизме... Тоска-а-а...

Но Вадим Валерианович, как мне чувствуется, тосковал и со «своими». (Не со всеми, конечно, но всё же многовато около него крутилось каких-то темноватых, пришибленных, ряженных *а-ля-рюс*... Ну, Бог с ними.)

И «элементарные частицы» с некоторого момента перестали его интересовать – не вызывали они новых напряжений, новых радостей: послушание окружающих, победы над нуйкиными... перестали быть страстью, а Кожинов, конечно же, человек больших страстей.

Ещё одним веет с большинства портретов: так смотрит очень взрослый на игры детей...

Очень многие из окружавших его «детей» называют себя его учениками, хотя по сути они – школяры. А школяр – это потребитель, паразит. Ученик – коллега.

Школяр отбирает время. Ученик приносит жизнь.

* * *

5 июля 2000 года, то есть 70-летие В. В. Кожинова, предполагалось отметить в Вологде, куда пригласил юбиляра тамашний губернатор; были намечены два (минимум) вечера в честь Вадима Валериановича¹.

Накануне пришло извещение об отмене приглашения... Мерзостной и позорной была бы любая причина, ибо инициатива проведения кожиновских вечеров исходила от вологодской администрации, но как относиться к тому, что Кожинову попросту предпочли одного из бесконечного списка «известных сатириков», отдав тому «время и место»?!

Вот так русские «отчуждовали» своего заступника.

Москва тоже порадовала: ни Союз писателей, ни «Наш современник», ни ИМЛИ, которому Кожинов отдал сорок лет жизни, ни прочая «прогрессивная общественность» даже попыток не делали провести юбилейный вечер². Правда, публикации некоторые (наверное, надо писать в с ё - т а к и) появились.

К чести Вологды, «столицы русского Севера», необходимо сказать, что в начале августа оттуда опять пришло приглашение, которое вскоре... опять отменили.

О русская благодарность! О русский путь... О русская любовь...

Как это переживал Вадим Валерианович, чего это ему стоило... приблизило ли такое «торжество» 25 января³ – пусть каждый прикинет сам.

¹ Эту историю знаю подробно, потому что был приглашён Кожиновым для участия в торжествах в качестве певца.

² Я никого не пытаюсь «винить». Самому горько.

³ Последняя минута наступила поздно вечером 24 января 2001 г., но в «Свидетельстве о...» записано – 25-е.

День юбилея В. В. Кожинов встречал в своём доме на Молчановке в кругу, как он сказал, ближайших друзей. (Моё пребывание среди них мне самому кажется не совсем законным, но мыслимо ли было отказаться от приглашения?)

Вадим Валерианович много рассказывал и о тех, кто сидел за столом (Ст. Куняев, Ю. Кузнецов, А. Леонардов, Лилечка – так чета Кожиновых зовёт директора музея М. Пришвина, и др.), и о тех, кто по разным причинам отсутствовал – предал, как N., покинул мир сей, как Рубцов и Передреев, или просто не оказался в Москве в тот день, как С. Лесневский.

Я слушал и в который раз радовался – как же этот человек любит всю свою жизнь: друзей, события, книги, случайные встречи, своё становление... Он никогда не забывал о былых пристрастиях, не скрывал их не только в частных разговорах, но и в широких аудиториях; с удовольствием (!) рассказывал, как прежде, чем прийти к пониманию чего-либо, был недостаточно внимателен, был неправ и так далее – он любил и свои «заблуждения».

Необычайно многое нашло место в его душе, и ничто последующее не вытесняло пережитого.

* * *

Кожинов живёт в том, что я для себя давно, пытаюсь уравновесить наглюющее з д е с ь и т е п е р ь, назвал в с е г д а.

Он современник Илариона, Гостомысла, Дмитрия Донского, Нила Сорского, Сергия Радонежского... Тютчева, Пушкина, Ярослава Мудрого, Н. Тряпкина, П. Чаадаева...

Поэтому с ним п р о с т о р н о .

Чувство простора вошло в книги – как сперва в литературоведческие, так потом в историко-философские.

Восхищаются количеством кожиновского знания (и оно в самом деле изумляет), вникают в дошность аргументации (она действительно обезоруживает), стараются обнаружить «натяжки» (и находят); отмечали научность, пристрастность или безпристрастность... Но никак не могли уловить, почему же кожиновское письмо убеждает даже противников, даже врагов.

П р о с т о р и убеждает, естественный, а не декларируемый. Убеждает неотразимое в с е г д а , родное ему, как мало кому ещё. Или, по Передрееву, «вечности медленный ветер...» Не потому ли так любит Вадим Валерианович романс на эти стихи?

Не потому ли именно он назвал нашу студию «прежними», а по сути в с е г д а ш н и м и словами: о б щ и н а , д р у ж и н а ?

Конечно, помню первые приезды к Кожиновым – в марте 95-го. Сразу почувствовалось сложное своеобразие этого дома: здесь не принято ни играть какую-либо «ролю», ни быть по-простецки «открытым»... тут знают цену многому и многим... повидали всякого и всяких... Удивить его или её практически невозможно. (Какое счастье, что почему-то иногда это удавалось! и нам – со студийцами, и мне.) Гостей своих они чувствуют, кажется, ещё за порогом... надо быть совсем безнадежным, чтобы хитрить с ними, пытаться «сделать впечатление» и т. п. Да я и не пытался.

Я – слушал, смотрел, вслушивался, всматривался... дурел от тысячелетнего перестоя кожиновского табака (не курю же!)... шалел от безкрайней роскоши кожиновских рассказов... шалел от радости... но при этом старался ни в коем разе не «пересидеть» лишних 10–15 минут... Вернувшись домой, тут же, хоть обрывками... записывал... происшествия необыкновенных мгновений, проведённых с этим долгожданным для меня человеком.

На студийный вечер, посвящённый нашим родственникам, мы, пригласив мам, пап, бабушек, сестёр-братьев, пригласили и чету Кожиновых. И оба они пришли...

Родные? Родные.

Многие – не из нас! – в слепоте своей воспринимают Елену Владимировну лишь как «жену Кожинова»... ладно что несправедливо – знали бы, сколько теряют.

* * *

На подходе к последней круглой дате Вадим Валерианович был словно озадачен неожиданно большим количеством прожитых лет: «Нет, только подумайте! – после пятого июля мне пойдёт – страшно сказать! – в о с ь м о й д е с я т о к л е т!» Переживал... по-мальчишески. И фраза его почти обязательная на публике в последние годы: «Я, мягко говоря, уже далеко не молодой человек...»

Хотя не могу представить, кто бы считал Кожина не то что старым (?!), а даже пожилым. Мужчина в хороших годах. «Умение выглядеть» ни при чём. Работать так, как Кожин, до последнего – буквально! – дня (в больницу взял с собой статью, чтобы в срок дописать её для какого-то белорусского издания), не по силам абсолютному большинству человечества ни в каком «возрасте».

Первое, о чём я спросил его, когда у меня вроде появилось право на что-то, кроме как слушать: пишет ли он воспоминания о своей жизни? (Кажется, была поздняя осень 95-го.) «Нет, – сказал, – не пишу. Не до этого».

Года за два до печального января, параллельно с изданием книг по истории, начал делать некоторые записи. Кое-что читал в рукописи. А в сентябре 2000-го вдруг: «Знаете, начал писать... но так всё разрастается! Дошёл до своих 13–14 лет... нет, не успею... Надо закончить ещё две-три книги...»

Успел увидеть сигнальный экземпляр восьмисотстраничных «Размышлений об Искусстве, Литературе и Истории».

Собирался написать об истории русских XVI–XIX веков.

В конце 1999 года ему пришла мысль издать антологию русских стихотворений о смерти. Говорил: «Русская поэзия утверждает жизнь даже строками о пределе земного бытия... и, может быть, даже ярче всего она говорит о жизни именно такими стихами...»

17 декабря 2000 года, уже будучи заметно нездоров, Вадим Валерианович вёл (вместе с Л. А. Аннинским) вечер, посвящённый выходу трёхтомной «Антологии русского лиризма. XX век», которую подготовила и издала наша литературно-музыкальная студия¹.

Перед самой больницей звонил Лесневскому (осенью 99-го они отметили 50-летие своей дружбы...): «Стасик, давай напишем Меморандум примирения!» Кому-то велел готовить письмо в правительство о состоянии русского книгоиздания...

* * *

Карамзин, Соловьёв-отец, Костомаров, Ключевский, Гумилёв-сын, Кожин...

Пушкинская плеяда. Тютчевская плеяда. В моём понимании существует и Кожинская плеяда... Любой мало-мальски серьёзный читатель сам назовёт имена, входящие в неё.

* * *

Среди множества границ, разделяющих людей, существует особая: между живущими во славу жизни и теми, кто живёт во имя смерти.

Кожин, конечно же, из первых.

Роковые и по-детски пронзительные вопросы В. Хлебникова: «Почему русская книга и русская песнь оказались в разных станах? Не есть ли спор русских писателей и песни – спор Мораны и Весны? Безкорыстный певец славит Весну, а русский писатель Морану, богиню смерти?»

Абсолютно закономерно, что именно В. В. Кожин стал автором важнейшей статьи о русской песне и назвал её «О главной основе русской культуры» (осень 1995 года)! Книги В. Кожина и русская песнь всегда были в одном стане, ибо и то и другое рождены глубокой органикой русской жизни, во славу которой положил все силы свои Вадим Валерианович Кожин – мыслитель Весны, философ русского Воскресения.

* * *

Шесть лет, целых шесть лет жизнь позволила мне быть вблизи этого неповторимого явления русской природы – В. В. Кожина.

Шесть лет у меня был старший брат – спасибо, жизнь.

Безценный, близкий, единственный Вадим Валерианович... я Вас люблю. И знаю, что не только я. А те, кого любят, не умирают.

Январь-май 2001 г.

¹ В настоящее время наша студия готовит 2-е, расширенное издание Антологии. Мы посвящаем его памяти В. В. Кожина. (Это издание вышло в 2004 г. – А. В.-М.)